

В. И. Иванов — Е. Д. Шору

20 августа 1933 г.

Дорогой Евсей Давидович,

До сих пор задержался в Павии, <но — зачеркн.> и только через неделю <несколько дней — зачеркн.> выезжаю в Рим. Ольга Александровна говорит мне, что в письме к ней Вы замечаете: «кажется, кажется, В.И. несочувственно относится к моей поездке в Италию» (передаю, конечно, не слова, но смысл Вашего полу-вопроса).

Это дает мне смелость досказать мою мысль, на что раньше я никак не решался, боясь перейти за границы дозволенного даже и при сердечных отношениях, какие существуют между нами. Итак, простите мое непрошенное вторжение в очень интимную сферу Вашей жизни; побуждает меня к этому большая любовь моя к Вам, глубокая и постоянная о Вас дума и — прежде всего — сознание какого-то нравственного долга предостеречь Вас на решительном повороте Вашего пути. Дело в том, что Ваша поездка в Италия — этап на пути в Палестину. Вы когда-то говорили мне о Вашем намерении поселиться в Палестине, и я ничего Вам тогда на это не возражал. Теперь настало время высказать то, что тогда было умолчено (отчасти и потому, что я еще недостаточно видел Ваш внутренний мир). По моему убеждению, поехать в Палестину значит для Вас как бы принять какой-то обет на всю жизнь, нечто вроде орденового обета. Но Вы вступили бы в орден, Вам не соответствующий ни в каком смысле. Вы не сионист, как бы горячи не были Ваши симпатии сионистскому движению, как бы ни была безгранична Ваша любовь к Вашему прекрасному и высокому отцу и Ваше желание быть с ним и с ним работать. При всей святости этих заветов, Вы человек другого призвания и другого посвящения. Вас задумал Бог свободным исследователем и искателем духовных путей, Ваша духовная свобода — Ваш долг. Вы — всечеловек в лучшем значении этого слова и ни в каком отношении, ни в каком смысле не националист. Вы даже не еврей по своей духовной структуре и духовному опыту, а разве лишь по крови. Вы можете быть плодотворным только в горизонтах

Духа, который дышит где хочет. Вам не указано приносить жертвы ни на Геризиме, ни в Иерусалиме (Ев. Иоанна IV, 21). Среди сионистов Вы почувствуете себя чужим, и они почувствуют Вас чужим. Начнется непрерывная внутренняя ложь, которая может парализовать Ваши силы. Вот моя мысль, вся, — вот мой великий страх за Вас. Совет и увещание: скорее, скорее, скорее докторируйте (м.[ожет] б. [ыть] у Степуна? Где бы то ни было, как бы то ни было: „man soll diese rein formellen Sachengraschab machen,“ — говорил мне Моммзен о промоции) — и путь держать, если в Германии жить невыносимо, на Америку. Dixi.

Хочу ликвидировать и вопрос о реконструкции моего мирозерцания. Нашел письмо, при сем прилагаемое, написанное мною давным-давно и тогда не посланное — боялся Вас огорчить. Дал себе долгий срок для размышлений. Опять принялся теперь перечитывать манускрипт. Отмечал карандашом, как выразить точнее мои тезисы. И опять дошел до сплошной непроницаемой стены, где, увы, никакой карандаш не помогает. Просто, это — не я. Ничего не поделаешь. Если хотите, пришлите мне вопросник, и на каждый вопрос получите точный, как в катехизисе, ответ — что я думаю о том-то и о том-то и как все связывается.

Ваше построение, предлагаемая Вами связь — уже не приемлемы. Обнимаю Вас горячо, — и лично как желал бы свидания!

Ваш В.И.

Дорогой Евсей Давидович, нужен ли Вам еще мой unicum «Религии Страдающего Бога?» Вы покидаете Берлин, не оставляйте книги там. Вышлите ее заказною посылкой на Collegio Borromeo, мне, — что касается Kunst u. Symbol и книги о театре, прошу Вас не заключать из моего скептического отношения к видам на их издание, что таковое меня не интересует или мне не желательно: слишком желательно (как это показывает и моя пристальная работа над «Ницше и Дионисом», теперь — кажется — ненужная), но очевидно, что наши надежды претерпели крушение. И статью о трагедии я понапрасну обрабатывал год тому назад.

В.И.

(К письму приложен следующий текст В.И. Иванова — Д.С., Н.С.)

Старый набросок ответа на «Реконструкцию»

Дорогой Евсей Давидович, давно обязан я был дать Вам отчет о Вашем опыте «реконструкции моего мирозерцания», и если так провинился перед Вами своим долгим, чрезмерно долгим укло-

нением от обстоятельного ответа, то главная причина моей вины лежит — в этом должно прямо признаться — все же не в бесчисленных внешних препятствиях (времени сосредоточиться на этом вопросе до степени выработки окончательных формул мне в самом деле количественно не хватало, — м.[ожет] б.[ыть] моя работоспособность так сильно понизилась), но лежит эта причина в какой-то непреодолимой апории. Дело не в том даже, что прежде я думал о том-то и том-то так, а теперь иначе думаю, так что можно, примерно, — как Вы пишете, — защищать меня прежнего от меня нового: это упрощенное объяснение в существе неверно. В моих воззрениях совершается непрерывная метаморфоза (в гетевском смысле этого слова), что делает для меня самого невозможным просто отрицать какой бы то ни было предшествующий момент целостного органического развития. Разумеется, я знаю некоторые прежние заблуждения и ошибки мысли (напр.[имер], я приветствовал в 1905 г. образование «пророчесственных общин», не знающих «имени», которое собрало их воедино, см. «Кризис индивидуализма», стр. 101, и анархический принцип в мистике вообще), но они скоро и как-то сами собою умирали и стирались органическим ростом положительного начала моего мироощущения. Иное дело — словесное обозначение постигаемого: оно часто бывало неточно, сбивчиво, соблазнительно, потому что постигаемое еще «неясно различалось, как чрез магический кристалл», по слову Пушкина, — говоря проще, не было еще постигнуто до конца. Отсюда, напр.[имер], мои трудности со статьей «Ты еси»: я никогда не был ни чистым трансцендентистом, каковы мусульмане, ни чистым имманентистом, что, по моему мнению, есть род атеизма, а между тем статья (вот уже, поистине, «магический кристалл») может <кажется — зачеркн.> показаться исповеданием чистого имманентизма <зачеркн.>. Рассматривать как в себе замкнутое целое определенные отрезки динамического процесса вообще методологически нельзя, и в моем случае это особенно явно.

«Однако», говорите Вы — излагаю свободно — «такова — с подлинным верно, за это ручаются многочисленные цитаты, — общая картина Вашего мирозерцания в определенную эпоху, соответствующую по времени Вашим книгам По звездам, Борозды и межи; моя задача — связать отдельные части этой картины в цельную композицию, почему я и называю этот опыт реконструкцией.» На это я должен представить целый ряд возражений методологического характера, помимо того, что уже сказал о научной опасности, которую несет с собою рассмотрение отрезка динамического процесса в статической замкнутости. И, прежде всего, «eine halbe Wahrheit ist keine Wahrheit». А что Вы даете не все мое миросо-

зерцание, но лишь часть его, реконструируя эту часть в подобие целого, явствует из многого. Во-первых, после моего 2-го сборника статей я не перестал ни жить и мыслить, ни говорить (правда, скупее прежнего, но все же достаточно выразительно). Во-вторых, наряду с моими статьями существует и другой, и гораздо более изобильный и содержательный источник для познания моих интуиций — моя поэзия. В 1915 году я пишу поэму Человек — уже не реконструкцию, но синтетическое изображение всего моего мирозерцания в виде одного космического мифа. В-третьих, тот метод контаминации, которым Вы пользуетесь, есть метод, научно не одобряемый. И как производится эта контаминация «цитат»? Тут я излагаю усматриваемые мною в концепции Достоевского основы учения о народном я, о народной душе, об ангеле народа: все это изложение вставляется целиком в мозаику «реконструкции». Там я описываю психику дохристианского мира, его «древний ужас» перед великим женским божеством 2-го тысячелетия до Р. Х., вечно пребывающего богиней с ее вечно возникающим и умирающим мужским коррелятом (Дионис, см. мою книгу Дионис и Прадионисийство): все это вводится как интегральная часть моей собственной религии. В результате: реконструированное мирозерцание оказывается, для вдумчивого читателя, лишенным прочных основ и столь же фантастическим, сколько внутренне неясным. Что такое Бог, богочеловек, человек и мировая душа, ответить на это определительно вдумчивый читатель Вашей «реконструкцией» не сумеет. Все вместе — эмпедоклов хаос, где плавают *disiecta membra* древнего мифа, христианского гнозиса и неоплатонизма. От «поэта», правда, можно было ожидать и меньшего: «*viellügendieDichter*» — но все же не в дидактической прозе, притязающей на некоторую самостоятельность и строгость мысли; да и «*Lügenerfinder*» все же не значит: «*einunklarerKopf*». — <зачеркн.> Невозможно, наконец, при методе контаминации, обойтись и без произвольных вставок в искусно скомбинированные части мозаики, чтобы получить целое. Вот Вам пример такой вставки: «*Das év καί Πάν* (где Вы вычитали у меня *év καί Πάν?*), *die All-und-Ur-Einheit* (но я же повсюду, не только в лирике, но и в тех двух сборниках статей утверждаю дуализм Бога и Тварности!), *der ewige Grundderunionmystica* (основанием для *unio mystica* в моих глазах является именно вышеупомянутый дуализм, неоплатонического монизма и эманационизма я никогда не принимал) *istverlassen, unddieSeeledesMystenbeginntihmaufdemWegeseiner* (? чьих? *des év καί Πάν?* “*Dessen, der sich selbst erschuf von Ewigkeit in schaffen dem Beruf*”, — “*des werdenden Gottes*”, — я всегда ненавидел представления <неразб.> *werdenden Gottes*, — или *der Weltseele als évκαίΠάν*, — подляменя *die Weltseele*

ist Kreatur!). Inkarnationen(??) zu folgen; da wird ihr die göttliche Handlung (??) entschleiert, die, — selbst von einem übergreifenden Schicksal getragen (божество, подчиненное своему действию какому-то übergreifenden Schicksal, — <per carita — зачеркн.>о каком до-сократике Вы это <метафизик — зачеркн.> говорите? — но уже, конечно, не об мне, я тут не повинен!) Schicksal und Wesendes Daseins ist (так это все мне чуждо, что я просто ничего не понимаю ни об «Inkarnationen» — народ, индивидуум суть воплощения Бога?! — ни о модном теперь в Германии «Schicksal» — о Судьбе говорю я только в изложении дохристианского мироощущения): das ewige Urbild des kosmischen Waltens und menschlichen Lebens (не моя это музыка!)... — Обращу, наконец, Ваше внимание на одно, конечно, ускользнувшее от Вас обстоятельство: статьи мои обоих использованных Вами сборников имеют особенность (я бы сказал теперь просто: существенный недостаток), что они не откровенны и не договаривают мою тогдашнюю мысль до конца. В стихах говорил я все свободно, в статьях же, наряду с большою подчас экспансивностью и даже дерзостью, я намеренно делал умолчания. Вы найдете в них порою обороты в роде: «устраняя <элиминируя — зачеркн.> из изложения элемент личного исповедания», «независимо от личного исповедания автора» и т. п. Я избегал говорить в них о вере. Я хотел быть понятным и приемлемым для разномыслящих, из которых большинство были неверующими в смысле положительной религии. Я хотел, говоря «с эллинами по-эллински», базироваться на свойственном времени предрасположении к «мистически окрашенному» умозрению, между тем как сам я уже стоял на почве положительного, даже церковного христианства, о чем совсем открыто говорил только в «христианской секции» петербургского Рел.[игиозно] — Фил.[ософского] Общества, председателем которой состоял (ср[а]в.[ни] Экскурс об Эстетике и Исповедании, По звездам, стр. 303–304; второй мой сборник уже значительно откровеннее). — Что касается «Реконструкции», я долго и мучительно думал, что мне с ней делать. Пытался предложить Вам переформулировать отдельные мысли; напр.[имер], для первых 10 строк выработал такую редакцию:

«Die Urintuition Iwanows ist das Erschauen der „übersinnlichen Realität und zwar einerseits der überweltlichen absoluten Realität Gottes, andererseits — im Kreise der Kreatürlichen — der die sinnliche Welt durchdringenden geistigen Wesenheiten, zu denen in erster Linie der Mensch selbst gehört als metaphysische Einheit des Menschengeschlechts und als das metaphysische Selbst der einzelnen Persönlichkeit. Das ganze Schaffen Iwanows ist ein Versuch das Erlebte mit Mitteln der poetischen Gestaltung vor aller Augen hinzustellen und das Geistigerschaute in der

Erscheinungen der ‚niederen Realität‘ aufzudecken <aufzuschliessen — зачеркн.>. So wird dem seine Darstellung des Sichtbaren symbolisch bedeutsam, und seine <unmittelbar — зачеркн.> Anschauung des Unsichtbaren kleidet sich in mystische Bilder ein. Denn die Intuition des Übersinnlichen ist ihrem Wesen nach unmittelbar und unbeschreibbar; sie bleibt als eine ‚unaussprechliche Vision« usw. — nach ihren Wirkungen und Spiegelungen erkannt, in Symbolen angedeutet, in Mythen verkörpert. Дальше все благополучно, до абзаца οέν καί Πάν, где руки у меня опустились —.

(Далее в письме следует вторая часть, написанная О.А. Шор. — Д.С., Н.С.-Р.)

II

Хочется обстоятельно поговорить с тобою о «реконструкции», но ее ревниво держит у себя В.И. — «Я сам ему подробно напишу» — и мне ее не выдает. Поэтому сейчас — не столько о ней пристально и непосредственно, сколько о тебе по поводу нее.

Знаешь ли ты, что ты реконструкцию весьма самостоятельно сделал, несмотря на всю нарочитую самостоятельность. Ты как будто бы ничего от себя не прибавляешь, а только группируешь цитаты, но цитаты вообще имеют всегда протейскую природу. Вот ты и превращаешь, едва уловимыми, тонкими, тонкими сдвигами, мысли В.И. в то, чем они не хотят быть и чем они и в прежнее время по существу не были: в плотинский пантеизм, питающийся гностическим мифом. Сама по себе система такая высоко интересна и, если это — твоя точка зрения, то я очень и очень хотела бы услышать об ней больше. О, конечно, проза В.И. того периода отливает всеми красками; вся она написана «по поводу», больше сказана, чем написана — (он диктовал свои импровизации-доклады после их произнесения) — и имеет все достоинства и недостатки живой речи. Она сильна, действенна, но далеко не точна, и к ней, любя В-а И-а таким, как он есть, приходится относиться с большой осторожностью. Нет слов, сам В.И. в ту пору еще не установился твердо, соблазнялся и гностицизмом, и манихейством, но это — все же лишь примеси, а не основной металл его мысли. «По звездам» и «Борозды и межи» пленительны именно своей свежестью и даже некоторой недодуманностью, но на них нельзя смотреть как на окончательные формулировки. Жаль, что ты стихи В.И. любишь меньше его статей. Они менее рассудочны, а потому гораздо более точны, чем соответствующая им, их лишь комментирующая и без них в сущности неверная проза, поскольку всегда неверна часть, оторвавшаяся

от целого и выдающая себя за целое, особенно если часть эта — часть эта — не миф, а рассуждение. Для полной реконструкции хотя бы и раннего периода В.И. невозможно игнорировать его поэзию, и мыслями-то богаче его прозы, — как бы последнюю не ценить. В твоих домыслах откровенных много ценного и значительного. Их подробно обдумаю и разберу с текстом в руках, а теперь еще хочется сказать о тебе лично, вернее, поболтать с тобою по душам. Каково эссенциально твое отношение к В-у И-у? Как ты его излагаешь?

Нет слов: чтобы реконструировать мыслителя, нет никакой необходимости быть его последователем. Иначе не была бы возможна ни история религий, ни история философии; но внутренний жест твоего вживанья в мысли В.И. не таков, каким спокойный исследователь приближает к себе свою жертву и от нее же отгораживается. О нет, ты не только любовно всматриваешься в душу мира В-а И-а, но еще и хочешь с ней слиться или, по меньшей мере, обручиться. Но тут на пути непреодолимое препятствие: в той же степени, в какой ты волишь соединиться с В.И., ты не приемлешь его христианства. Но христианство, Юшенька, есть прежде всего особый мистический опыт; от него нельзя отрешиться, желая слиянья. Ты же в этом пункте естественно и необходимо хочешь оставаться беспристрастно факт христианства констатирующим исследователем, для которого исповеданье излагаемого учения отнюдь не обязательно. Поэтому ты, бессознательно, конечно, делаешь компромисс и тонко, тонко, изящно, изящно приспособляешь к своему мировоззрению «систему» В.И., делаешь ее для себя приемлемой.

Вот каковой мне представляется основная антиномия в твоём отношении к В.И. Я нарочно сгустила краски, чтобы иметь возможность выразиться кратко и ясно; потому вышло грубо и, кажется, непохоже. Прости меня, Юшенька, и постарайся, дорогой, услышать мое нежное чувство к твоему внутреннему миру, кот. <орый> очень богат, прекрасен и в который мне ужасно хочется поглубже заглянуть, если ты то разрешаешь, конечно —

